

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Антон Деникин

**П у Т Ъ
р у с с к о г о
о ф и ц е р а**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д33

В оформлении издания использованы изображения,
предоставленные ФГУП МИА «Россия сегодня».

Деникин, Антон Иванович

Д33 Путь русского офицера / Антон Деникин; пре-
дисл. Н.С. Тимашева. — Москва : Издательство
АСТ, 2025. — 352 с. — (Фронтовой дневник (но-
вое оформление)).

ISBN 978-5-17-168186-9

Воспоминания «Путь русского офицера» – одна из лучших книг А.И. Деникина, прекрасно владевшего словом. В молодости он работал в журналистике, писал статьи о русском военном быте в мирное время, а впоследствии и об эпизодах тех войн, в которых ему довелось участвовать.

На страницах мемуаров автор рассказывает о своем детстве, юности, боевой службе. Военное училище, строевая часть, академия Генерального штаба, участие в Русско-японской и Первой мировой войнах – все это путь офицера, который очень подробно описывает свой опыт и военные впечатления. Однако это нескучное повествование, наоборот – читатель с увлечением погружается в прошлое России.

Но основное значение воспоминаний все же состоит в том, что они стали предысторией к его «Очеркам Русской смуты», посвященным Гражданской войне.

Закончить автобиографическую книгу А. И. Деникину не довелось – она оборвалась на полуслове и была издана уже после его смерти.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168186-9 © Н.С. Тимашев, текст, 2025
© ФГУП МИА «Россия сегодня», 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Предисловие

Имя генерала А.И. Деникина вошло в историю как имя главы вооруженных сил Юга России в самый острый период гражданской войны. Сменив на посту павшего смертью храбрых генерала Корнилова, Деникин со своими армиями подошел к Москве ближе, нежели кто-либо иной из белых вождей. Но силы оказались неравными. Предприятие потерпело неудачу, и А.И. Деникин, передав пост генералу П. Врангелю, сошел со сцены вооруженной борьбы.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, он не найдет повести о гражданской войне: смерть остановила перо автора, когда он приступил к описанию одного из славнейших эпизодов русской военной истории — Брусиловского наступления 1916 года. События с 1917 по 1920 год описаны генералом Деникиным в хорошо известном пятитомном труде «Очерки Русской Смуты». Еще несколько глав, и автор кончил бы там, где он начал свои очерки. Вероятно, он пошел бы и дальше и рассказал бы и о долгих годах, проведенных им в эмиграции, в некотором расхождении с официальными своими преемниками на посту вождя русских белых армий, тогда уже бывших в изгнании и рассеянии. Свою позицию, в сущности оборонческую, т. е. отрицающую сговор эмиграции с какой-либо нацией, идущей войной на Россию с завоевательными целями или с намерением ее расчленить, он защищал на всегда привлекавших многочисленную публику собраниях, устраивавшихся в Париже, где он жил с 1926 по 1940 год. После великой ка-

тастрофы, свалившейся на Францию, он оказался под немцами в районе Бордо. Его посетил германский главнокомандующий, который предложил ему благоприятные условия жизни и работы над воспоминаниями при условии переселения в Германию. Генерал отклонил предложение и перенес все тяготы, выпавшие на русских эмигрантов, не польстившихся на немецкие посулы. В 1945 году он переселился в Соединенные Штаты, где скончался 7 августа 1947 года.

Воспоминания, как уже сказано, обрываются на полуслове. Но то, что написано, представляет выдающийся интерес. Написаны они опытным писателем. Уже когда генерал писал свои «Очерки Русской Смуты», он был далеко не новичком на литературном поприще. С молодых лет он принимал участие в русской военной журналистике, посвящая живые и смелые очерки русскому военному быту в мирное время, а впоследствии и боевым эпизодам, в которых ему довелось участвовать. Страницы воспоминаний, описывающие раннюю литературную деятельность автора, запечатлевают малоизвестный факт: в русской армии было больше свободы мнения, нежели в германской или французской, и эта свобода существовала уже во времена, когда общая печать тяжело страдала под игмом цензуры. А те страницы воспоминаний, которые воспроизводят боевые эпизоды русско-японской и германской войн, привлекут особое внимание читателя. Описание военных действий часто утомляет, потому что эти действия всегда хаотичны, а неумелое описание хаоса не оставляет в уме ничего, кроме хаоса. Но талантливый военный писатель находит путеводную нить; и вот хаос получает смысл, и увлеченный рассказом читатель испытывает особое наслаждение от проникновения в то, что казалось сокровенным и недоступным. Таким умением в высокой мере владеет генерал Деникин.

Но основное значение воспоминаний все же в том, что они являются как бы прологом к истории гражданской войны.

В одной из знаменитых своих речей П.А. Столыпин бросил фразу: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Гражданская война, в которой сыграл свою историческую роль А.И. Деникин, началась после того, как произошли «великие потрясения», а великая Россия пала. В понимании генерала Деникина гражданская война должна была восстановить великую Россию, которую он мыслил не иначе, как «единой и неделимой», и закончить великую смуту, подобно тому, как ополчение Минина и Пожарского восстановило порядок после смутного времени.

Гражданскую войну и ее исход нельзя понять, не вдумавшись в состояние русского общества накануне Первой мировой войны и революции. Основной чертой этого общества был раскол на три части. Это были: традиционная власть и консервативные элементы, ее поддерживавшие; общественность, в свою очередь расколотая между либеральными и многообразными социалистическими течениями; и народ, который уже утратил беззаветную преданность трону, но лишь в малой мере воспринял идеологии и программы общественности. Несмотря на неудачу столыпинской попытки вывести Россию на новые пути посредством коалиции власти с умеренной общественностью и широких реформ, имевших целью создать твердую базу для обновленной власти, за восемь лет между конституционной реформой и началом Первой мировой войны в России явно протекали процессы роста и оздоровления. Быстро развивалась промышленность; поднималось сельское хозяйство, сдвинутое с мертвой точки аграрной реформой и грандиозным размахом переселения; гигантскими шагами пошло вперед народное образование; стало выдвигаться новое поколение

интеллигенции, менее старого зараженное верой в единоспасительность революции.

Война, не Россией вызванная, перевернула положение. Она поставила на очередь проблему власти, ибо на традиционной бюрократической основе Россия явно не могла победить или даже выжить до победы. На этот раз общественность, за исключением крайних элементов, была готова на союз с властью на основе разумных и неотложных реформ. Предложение было отвергнуто, небольшая консервативная прослойка пошатнулась, и с внутренней неизбежностью пришла революция.

Февральская революция как будто бы проявила единение общественности с народом. Скоро обнаружилось, что это было иллюзией. Среди общественности выделилась группа, которая поставила себе задачей захват власти для осуществления крайней социалистической программы, без демократии. Эта попытка закончилась бы неудачей, как заговор Бабефа во время французской революции, если бы народ был в самом деле с общественностью. Но народ с ней не был, как не был он и со старой властью. Он жил еще в дополитическом состоянии и готов был принять власть, обещавшую ему немедленно исполнить его мечту о земле.

Отколовшаяся от общественности группа большевиков взяла власть. Эту власть она решила удерживать во что бы то ни стало и использовать ее для того, чтобы перестроить Россию по своему плану, не имевшему никаких корней в русской истории.

На почве сопротивления такому решению русского вопроса разыгралась гражданская война. Разыгралась она в довольно редкой форме «треугольного боя». Три, а не две силы противостояли друг другу: белое движение, в котором сошлись, но далеко не слились, консервативные элементы старого общества, и умеренная общественность; ра-

дикальская и социалистическая общественность, выкинувшая лозунг «ни Ленин, ни Колчак», т. е. не белое движение; и новая коммунистическая власть. Народ, как и раньше, не поднялся ни за кого. В этих условиях новая власть имела огромные преимущества: она владела центральным аппаратом и располагала внутренними линиями, тогда как белое движение было географически раздроблено между несколькими окраинами и было лишено внутреннего единства, а «третья сила» могла выступать лишь с разрозненными и разновременными диверсиями.

Цель белого движения была в сущности та же, как у Столыпина в 1906–1911 годах и у прогрессивного блока в 1915–1917 годах. Но осуществление ее было невероятно более трудным, нежели тогда. Тогда общественная ткань еще не была разорвана, и надо было предупредить ее разрыв. Во время гражданской войны нужно было восстановить разорванную ткань, но, конечно, не по старому, а по какому-то новому образцу. По какому? На этот вопрос у белого движения ответа не было, потому что оно было идеологически раздроблено и к разрешению задачи не подготовлено. В сущности, никто не был готов и вне белого движения — революционные взрывы приводят к стихийным распадам, а новые формы кристаллизации даются нелегко.

Следовало ли в таких условиях вести гражданскую войну? На этот вопрос можно ответить так. Военная победа над большевиками дала бы возможность испробовать что-то иное, пусть несовершенное, но, несомненно, лучшее, нежели большевизм, пусть непрочное, но все же открывающее путь для какой-то эволюции в сторону более нормального и исторически обоснованного разрешения русских проблем.

Но были ли шансы гражданскую войну выиграть? Конечно были. Представим себе несколь-

ко иную расстановку фигур на шахматной доске истории — большее единство среди антикоммунистических сил, появление среди них лиц, способных зажечь сердца людей новой идеей, большее понимание положения со стороны союзников России по Первой мировой войне, и результат был бы иной. Итак, был шанс победы, и этот шанс нельзя было, не следовало оставить неиспытанным. Иными словами, нельзя было без боя сдать Россию большевикам.

Как уже сказано, воспоминания генерала Деникина не доходят до гражданской войны. Но основной их интерес в том, что они раскрывают в исторической перспективе личность одного из главных ее деятелей. А на общем фоне общественных отношений и движений история все же творится личностями.

На тему о том, как сложилась личность генерала Деникина, воспоминания дают богатый материал. Они начинаются как бы семейной хроникой, которая идет вразрез с одним из трафаретов, сложившихся в пылу борьбы между властью и обществом: отец генерала родился крепостным, отбыл тяжкую лямку 25-летней военной службы, но вышел в офицеры, а сын его смог сделать блестящую военную карьеру. Как мало это похоже на представление о старой России как обществе, застывшем в каменных напластованиях!

Как это часто бывает, повесть о детстве и юности удалась генералу Деникину лучше всего. В дальнейшем, с погружением личности автора в дело, которому он, по призванию и свободному выбору, посвятил свою жизнь, она отступает на задний план. Но в личной жизни зачастую ярко отражаются существенные черты общественно-го строя. В этом отношении особенно интересна история его выпуска из академии генерального штаба, свидетельствующая о бездушии и произволе, на фоне которых приходилось развиваться

и вступать в активную жизнь будущим вождям русской армии. Сразу становится понятной бездарность русского военного руководства в японскую войну, к счастью, преодоленная ко времени Первой мировой войны.

Но воспоминания несут и свидетельство о том, как неясны и неотчетливы были суждения по общественным вопросам в военной среде, на которую генералу Деникину волею судеб приходилось опираться во время возглавления белого движения. Выясняют они, почему так было: императорское правительство держало свое офицерство в полном неведении тех вопросов, которые волновали общество. Это было проявлением более общей политики — стремления предотвратить революцию через остановку циркуляции и обсуждения идей. Эта политика дала губительные результаты и в момент революционного взрыва, и впоследствии, в час гражданской войны, когда еще можно было спасти Россию и ее культуру от коммунистического произвола и мракобесия.

Генерал Деникин не искал водительства. Оно было возложено на него волею судеб.

Как-то он сказал Н.И. Астрову:

«Я знаю, что я делаю самую неблагодарную работу и что меня будут поносить и, может быть, проклипать. Но кто-то должен эту работу сделать».

В «работу» он внес две ценные черты: невозможное спокойствие и изумительную работоспособность — он по неделям спал не более двух-трех часов в день, разделяя свои силы между фронтом и тылом. Как он и предвидел, многие его поносят. Но личной вины за неудачу на нем нет — он сделал что мог.

Само собой разумеется, воспоминания генерала Деникина приподымают лишь маленький уголок завесы, скрывающей от глаз человеческих бесконечно сложную сеть причинных рядов, из коих слагается история. Но, как все хорошо написанные

воспоминания, эта книга дает, в преломлении через личность автора, яркое отражение процесса, приведшего Россию к провалу в бездну. В дополнение к этому книга может содействовать сохранению в памяти многих славных страниц русского прошлого. Неисповедимою волей судеб ожили многие из этих славных страниц и в памяти русских людей в России, под большевистским ярмом оставшихся. А пока живет о них память, сохраняется надежда на то, что Россия, конечно, не старая, со многими ее пороками и слабостями, а новая, но и не нынешняя коммунистическая, заживет нормальной жизнью среди других народов, также верных памяти о своем прошлом.

Н.С. Тимашев

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

«Подруге дней моих суровых» —
жене, помощнице в трудах, согретый
ее заботами, связанный единомыслием,
оставляю рассказ о начале моего бытия.

*А. Деникин. Мимизан (Франция),
16 января 1944 года.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Родители

Родился я 4 декабря 1872 года в городе Влоцлавке Варшавской губернии, вернее, в пригороде его, за Вислой, — в деревне Шпеталь Дольный. Занесла нас туда судьба потому, что отец мой служил в Александровской бригаде пограничной стражи, штаб которой находился во Влоцлавке; в этих местах родители мои остались жить после отставки отца.

Как известно, часть Польши со столицей Варшавой входила тогда в состав Российской империи.

Отец, Иван Ефимович Деникин, родился за 5 лет до Наполеоновского нашествия на Россию (1807 год) в крепостной крестьянской семье в Саратовской губернии, если память мне не изменяет, в деревне Ореховке. Умер он, когда мне было 13 лет, и прошло с тех пор до времени, когда пишутся эти строки, 60 лет... Поэтому о прошлой жизни отца — по его рассказам — у меня сохранились лишь смутные, отрывочные воспоминания.

В молодости отец крестьянствовал. А 27 лет от роду был сдан помещиком в рекруты. В условиях тогдашних сообщений и солдатской жизни (солдаты служили тогда 25 лет, и редко кто возвращался домой), меняя полки и стоянки, побывав походом и в Венгрии, и в Крыму, и в Польше, отец оторвался совершенно от родного села и семьи. Да и семья-то рано распалась: родители отца умерли еще до поступления его на военную службу, а брат и сестра разбрелись по свету. Где они и живы ли — он не знал. Только однажды, был еще тогда отец солдатом, во время продвижения полка по России, судьба